

Виктория Мальцева

**Моногамия. Книга
3. Половина души**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
М21

Мальцева В.

Моногамия. Книга 3. Половина души / Мальцева В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 230 с.

ISBN 978-5-532-95406-9

Пронзительная история любви. Валерия уверена в том, что у её красивого мужа появилась другая женщина. Вот уже месяц, как он не ночует дома, избегает её и детей. Что это? Измена. Она решает уйти первой и не ждать, пока попросят собрать вещи и освободить дом на берегу залива. Роскошный особняк никогда и не был для неё домом - слишком невероятно для такой обычной девушки, как она. Не может такой яркий и успешный мужчина всю жизнь любить одну женщину, так ведь? У него неизбежно должна появиться другая - моложе и красивее. Габриэль, например. Лера хватает детей и улетает туда, где её ждёт другой. Пусть нелюбимый, но зато надёжный бывший муж.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Неизбежное	6
Глава 2. Соседи	15
Глава 3. Габриель	19
Глава 4. Снова болезнь	30
Глава 5. Его День Рождения	35
Глава 6. Точка возврата	50
Глава 7. Наказание	64
Глава 8. Интриги	72
Глава 9. Кристина	83
Глава 10. Прозрение	96
Глава 11. Реанимация	116
Глава 12. Прощение	122
Глава 13. Возвращение домой	125
Глава 14. Счастье	129
Глава 15. Что бы ни случилось	149
Глава 16. Я люблю тебя	151
Глава 17. Слова и признания	157
Глава 18. Что стало	178
Глава 19. 100%	183
Глава 20. Переписать заново	202
Глава 21. Сказать главное	213

Пролог

Bee Gees – I Started A Joke

Не дай совратить себя с пути несправедливого! Добродетельный ты будешь невыносимо скучен. Это-то и злит меня в женщинах. Обязательно им подавай хорошего мужчину. Причём, если он хорош с самого начала, они его ни за что не полюбят. Им нужно полюбить его дурным, а бросить – до противности хорошим.

Оскар Уайльд

Теоретически, если бы меня выдернули из адского цейтнота лет эдак в двадцать и спросили, соглашусь ли я жить так же сказочно, как сейчас, но при условии, что мой официальный и законный спутник, моя вторая половина, то есть муж, будет мне изменять, я ответила бы, не задумываясь, что да, конечно же, соглашусь. Мало того, при этом ещё и буду считать, что мне крупно повезло. Да, это цинично и до безобразия меркантильно, но лиха в свои девятнадцать я хлебнула так щедро, что ни лирики, ни романтики во мне не осталось и следа. Мне казалось, я всё обо всём знаю, всё могу предвидеть, просчитать, предусмотреть. Меня не обвести вокруг пальца, не заманить в розовый сироп обещаний, не размягчить и не расплавить.

А на практике всё оказалось не так. На практике под действием большого чувства человек превращается в уязвимое и безоружное существо, для которого измена перестаёт быть досадным недоразумением, теперь она – разрывающий сердце акт с ласками и нежностью, теми, которых тебе так не хватает, твоими ласками и твоей нежностью, отобранными у тебя и подаренными другой женщине. На практике ты не можешь ни думать, ни шевелиться, поскольку истерзана муками ревности настолько, что едва можешь дойти до кухни, чтобы налить себе стакан воды. Теперь ты растение, нечто материальной формы, не наделённое ни волей, ни силой, ни способностями что-либо решать и предпринимать.

Условия задачи те же: недостаток, дети, изменяющий муж. Ответ совсем иной: бежать без оглядки, спастись от адской боли, терзаний, сожалений, унижения, тоски, духовного упадка, отказаться от

всего и спешить спрятаться хоть куда-нибудь, только бы не думать о дальнейшей жизни, ведь жить-то почему-то совсем не хочется.

На практике оказалось, что Валерия просто знать никогда не знала, что такое любить.

Глава 1. Неизбежное

Grizzly Bear – Slowlife

Мне тридцать три года, дочке Лурдес полтора. Алекс работает очень много, так много, что мы почти не видимся. Он уезжает часто и надолго. Мы живём почти порознь. Он говорит, что у него масштабные, сложные проекты, закончит их, и жизнь наладится. Но мы теперь почти не спим вместе. В этой точке моей жизни секса не было больше двух месяцев.

Это о многом говорит, не так ли?

Габриель

Женщин вокруг Алекса всегда было много, и я так и не научилась адекватно к этому относиться. Они не просто находятся в возмутительной близости, они желают его, и это написано на их лицах, угадывается в жестах, кроется в словах. Они все и всегда стремятся прикоснуться к нему, и это убивает.

Габриель – родная сестра Кристен. Да, та самая, которая повсюду за ней таскалась, только теперь на ней нет очков, она сменила джинсы на платья, косу на распущенные локоны, её грудь выросла с первого до почти четвёртого, у неё такая гладкая от природы кожа, что лоснится как шёлк, и её хочется гладить.

Габриель с детства влюблена в Алекса. Ну конечно, в кого ж ещё ей было влюбиться? Будь я на её месте, и меня совершенно точно постигла бы та же участь. Выяснилось это почти сразу: в один из вечеров вскоре после переселения в Штаты я наблюдала за компанией на террасе, недоумевая, потому что в тот вечер Алекс работал, и мне совершенно не было ясно, какого чёрта все эти люди делают в моём доме, на моей террасе? Когда Алекс неожиданно вернулся, и гости начали, как обычно, шутить и смеяться, я заметила, что очкастый подросток не сводит с моего красивого мужа глаз. Так же было и в следующий раз, и потом тоже, всегда.

Мне было забавно за этим наблюдать – девочка в буквальном смысле ела моего мужа глазами, жадно, ненасытно. Было забавно,

да. И я даже представить себе не могла, насколько «забавно» станет мне в будущем.

Теперь ей восемнадцать, скоро девятнадцать лет, и она совершенно другая: знойная, красивая, свежая, чистая. У неё нет отбоя от кавалеров, но она отшивает всех и смотрит только на Алекса. Он при встрече нежно целует её в щёку и, кажется, ни о чём не подозревает, а она машет ресницами и дарит ему невероятно нежный, сексуальный взгляд. Я наблюдаю за этим с поистине стоическим терпением. Габриель далеко не единственная, кто так на него смотрит, что же мне всех женщин истребить?

И вот у меня не было секса почти два месяца. Кто виноват? Габриель или кто-то другой? На роль кого-то другого я сходу назову три десятка имён, не останавливаясь, и это будут только самые вопиющие случаи поглаживания его груди в районе раскрытого ворота рубашки, нежного разминания его бедра изящной наманикюренной рукой, шептания пухлыми губами интимностей ему на ушко, кокетливо сексуального отпивания из его бокала, ласкания волос на его буйной и невозможно, до истомы в животе, сексуальной голове. Да, было время, когда я запускала в них свои руки каждый день и по несколько раз. Было и прошло.

Да, я знала, всегда знала, что всё закончится. Вопрос был лишь в том, когда это случится, и, нужно отдать должное, продержалась я долго. Честно говоря, даже не рассчитывала на такой срок – по моим прогнозам это мог быть максимум год, но их прошло уже больше трёх. Неплохой результат в целом... но как же больно! Невыносимо, нестерпимо...

Я – зомби, бесцельно слоняющийся из угла в угол и не способный ни на чём сосредоточиться: ни готовиться к экзаменам, ни заниматься детьми.

Let It All Go – by Birdy & Rhodes

Некоторые дни нашей жизни канули в бездонный колодец забвения, а некоторые запечатлелись в памяти, как дизайнерские открытки. Это был один из таких дней, вернее даже, это был вечер. До безумия красивый и грустный вечер: закат, солнце уже село, небо раскрашено яркими оттенками жёлтого, оранжевого, пурпурного, на

море полный штиль. Море как зеркало, огромное зеркало, отражающее все перипетии наших судеб: годы летят, люди рождаются, люди умирают, остаются другие люди, а море всё отражает и отражает бесстрастно картины нашего быстротечного бытия.

Я сижу в одной майке за столиком на крытой террасе, хотя сейчас июль, мне уютнее в доме. Пытаюсь вникнуть в свою математику – мне нужно сдавать экзамен, но мозг отказывается обрабатывать входящие данные. Мой мозг в прострации... У него защитная реакция, он отключён, чтобы не думать о том, о чём я заставляю его думать – о нашем с *ним* будущем.

Ведь нужно же что-то решать.

С горечью вспоминаются слова Алекса про развод: «Его не будет». Господи, как непостоянны мужчины! Мы, женщины, знаем об этом, но всё равно верим им.

Как же так? Ведь я-то не верила! Я знала, всегда знала, чем всё закончится, и все эти годы ждала приближения неизбежности, ждала, но не готовилась – понимала, что бесполезно.

Я почти уверена, что это Габриель. Чёрт, будь я на его месте, я сама бы не удержалась – так много секса и влечения в смуглом теле и рыжеволосой голове этой юной девчонки. Конечно же, это она: моложе меня на четырнадцать лет, свежа, как первая майская роза. Как мне, трижды рожавшей, с больными почками и не только ими, тягаться с ней? Мы бегуны на разные дистанции.

В тот вечер Алекс неожиданно вернулся – его не было больше месяца. Нашёл меня на террасе и сел напротив, смотрел в глаза, а я впервые не могла понять, что в них. Мы больше не были одним целым, не сохранилось ни одной нити – все оборвались.

Я ждала, что он заговорит о разводе, но он молчал. Я тоже. Честно говоря, мне было, что сказать, но боль так измучила, истерзала, что я боялась разрыдаться, если открою рот, а это уже унижение. Для меня нет ничего хуже унижения. Поэтому мы молчали оба. Я отвела взгляд первой и стала смотреть на море. Алекс поднялся и ушёл к детям, а ночью так и не появился в нашей спальне – уснул в комнате Лурдес.

Я поняла, что это конец.

Но как уйти и не поговорить? Так же нельзя! Пишу ему SMS с датой и местом нашего судьбоносного разговора. Он отвечает тем же способом, что явится непременно.

И вот, мы сидим у окна в ресторане «Париж». За стеклом торопится быстротечная городская жизнь, но у нас, в нашем маленьком мире, нависшем над кованым столом с белой льняной скатертью, время остановилось.

Я никак не могу начать разговор. Я – одна гигантская, выжженная кислотой рана, и сейчас меня начнут посыпать солью. Из всех сил стараюсь не делать щенячьи глаза.

Алекс жалеет меня и начинает первым.

– Ты изменилась.

– Ты изменил меня.

– Я не хотел этого.

– Никто не хочет. Некоторые вещи происходят сами собой.

– Это верно.

Молчание, опять долгое и густое, как кисель.

Наконец, я собираю всю свою волю в кулак. Самое главное для меня сейчас – держать под контролем слёзы:

– И в самом деле, всё изменилось. Пришло время, я думаю, менять правила игры.

Его лицо вытягивается.

– О чём ты?

– Ты знаешь, о чём.

Опять молчание. И снова начинает он:

– Почему?

– Мы уже это озвучили: всё изменилось.

– Я не позволю.

– Боюсь, я не вижу надобности спрашивать.

– А Лурдес?

– Конечно, она будет с матерью, ты же знаешь.

– Ошибаешься.

– Детям с матерями лучше.

– Не в нашем случае.

Я не понимаю, на что он намекает, так как вроде бы я была ей неплохой матерью, и решаю, что, вероятнее всего, он говорит о деньгах, ведь все его жёны уходят ни с чем.

Отвечаю на этот намёк:

– Мне ничего не нужно. Я заберу только дочь.

– Я не отдам.

– Это бесчеловечно.

– А ты сама по-человечески поступаешь?

Я снова не могу его понять. Может, он хочет, чтобы я терпела его измены, и мы жили как рыбки в аквариуме: у всех на виду, женатые, но не муж и жена, ради ребёнка?

Говорю:

– Это не мой вариант.

Двусмысленный ответ, и это доходит до меня только потом.

Алексу приходит SMS, он читает, на его лице напряжение и злость. Почти сразу он встаёт и, уходя, бросает мне:

– Бери, что хочешь, дочь не получишь!

Я в ужасе и шоке. Если я от кого и могла ожидать такое, то только не от этого человека...

“In this shirt” by the Irrepressibles

Спустя час мои ноги бесцельно бредут по осенним улицам Сиятла. Мысли, мысли, мысли – так много, что я вынуждена отмахиваться от них, словно от тучи воронья.

Захожу в парк, тащу себя по аллеям, пытаюсь принять очень важные решения, выстроить цепочку собственных действий, обдумать их последовательность, очерёдность. Это очень важно сейчас – сделать всё правильно.

Уже сидя на скамейке вдруг понимаю, что мне легче... потому что я слушаю музыку. И она восхитительна: уличные музыканты – совсем ещё молодые ребята – поют под гитару старую романтическую песню. У них выходит красиво, необычайно красиво для уличных певцов.

Решение приходит внезапно: «Гори синим пламенем эта Америка! Я еду домой! Домой! Домой!». И в то же мгновение будто тяжкая ноша срывается с моих плеч, лавиной сходит в пропасть у моих